

Российская молодежь в брачно-семейном интерьере^[1]

Над темой номера работали

Сергей
ЗАХАРОВ^[2]

Екатерина
МИТРОФАНОВА^[3]

Меняющиеся жизненные стратегии молодежи ^[4]

В настоящий момент демографическая нагрузка на трудоспособное население России не велика, более того, она самая низкая за всю историю страны (табл. 1). Это объясняется относительной малочисленностью как пожилого, так и детского населения при относительной многочисленности лиц трудоспособного возраста (рис. 1).

Но такая экономически выгодная возрастная структура населения просуществует недолго. В состав рабочего населения начинают вступать малочисленные поколения 1990-х годов рождения (рис 1). В соответствии со средним вариантом прогноза Росстата (2012) к 2030 году доля лиц моложе трудоспособного возраста (до 16 лет) будет такой же, как и сегодня (около 17%), а вот доля лиц старше трудоспособного возраста при современном пенсионном возрасте (женщины – 55 лет, мужчины – 60 лет) существенно увеличится - с 23% до 29%. Малочисленные поколения, которые сегодня начинают трудовую деятельность, будут обременены высокими трансфертными обязательствами, прежде всего, в отношении пожилого населения. Неизбежное повышение налоговых отчислений, и, соответственно, относительное сокращение индивидуальных и семейных затрат на текущее потребление будет выступать для молодежи серьезным ограничением для демографического поведения и выбора жизненных стратегий в целом. Нынешней молодежи и последующим поколениям предстоит принципиальным образом повысить как совокупный социальный капитал, так и эффективность его использования, чтобы ответить на категорический императив демографического старения российского общества. В связи с этим не сложно предположить, что демографическое поведение молодежи будет адаптироваться к фундаментальным социально-экономическим изменениям посредством поиска таких жизненных стратегий, которые будут способствовать поддержанию экономико-демографического взаимодействия между поколениями с минимальными рисками для возникновения межпоколенных конфликтов, возможность возникновения которых очень велика.

Таблица 1. Демографическая нагрузка в России по данным переписей населения и в соответствии со средним вариантом прогноза Росстата на 2020 и 2030 годы

Год проведения переписи	Доля населения в рабочем возрасте в %	Демографическая нагрузка на 1000 населения в рабочем возрасте		
		общая	детьми	пожилыми
1926	51,6	936	770	166
1939	53,1	885	724	161
1959	58,4	713	512	202
1970	56,2	781	508	272
1979	60,4	656	385	270
1989	57,0	755	430	325
2002	61,3	631	296	335
2010	61,6	623	263	360
2020 (прогноз)	55,4	805	328	477
2030 (прогноз)	54,6	831	308	523

Источник: Население России 2010-2011. Восемнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: НИУ ВШЭ, 2013

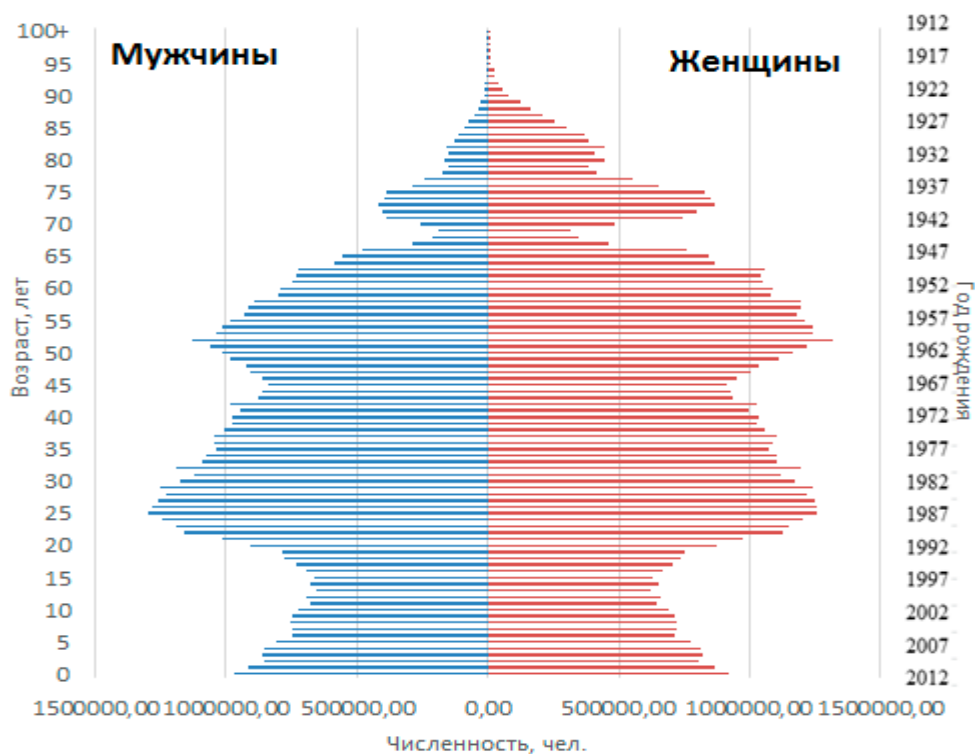
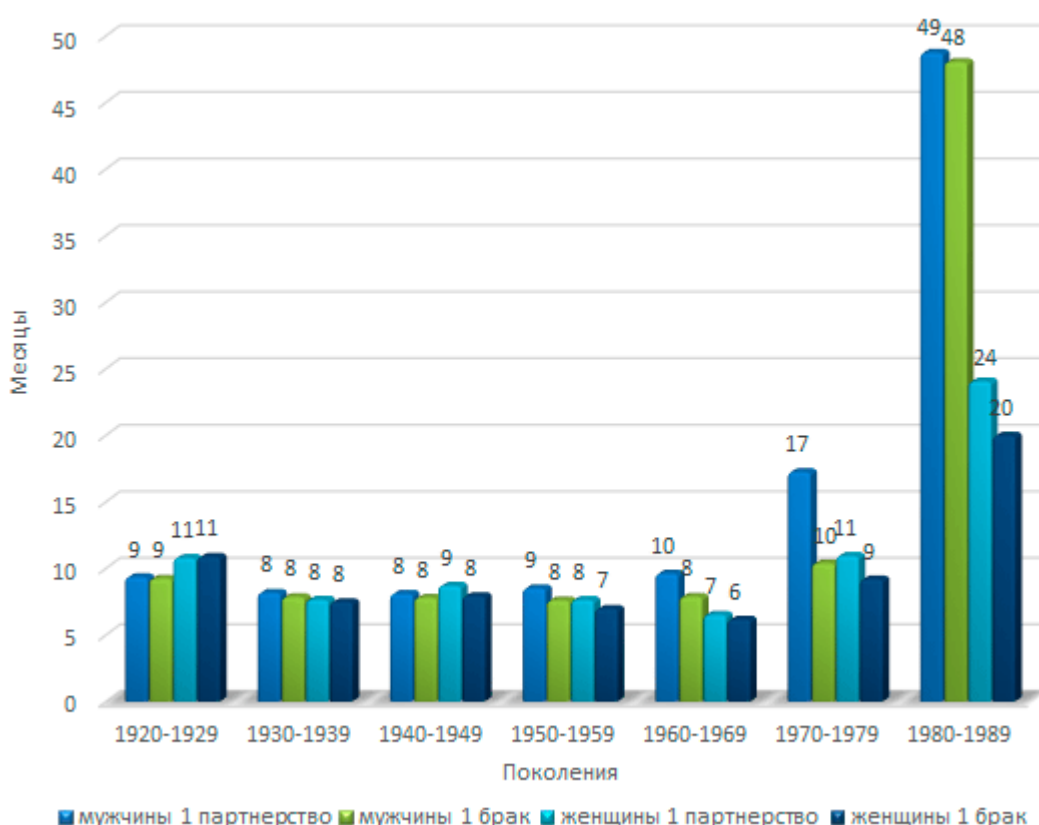

Рисунок 1. Половозрастная пирамида России на 1 января 2013 года

Источник: Данные Росстата

Демографические и социально-экономические условия при рождении поколений, а также экономическая, политическая ситуация в стране в начале их трудовой, брачной, репродуктивной карьеры – все это оказывает влияние на ценности, нормы, поведенческие практики каждого поколения, и, в конечном итоге, на их судьбу. Чем медленнее меняется ситуация в стране, тем более единообразным бывает поведение разных поколений, проходящих одинаковые жизненные этапы.

Россияне прошли такой период унификации в послевоенные десятилетия, когда советская власть как рестриктивными, так и стимулирующими методами направляла экономическое, демографическое и социальное поведение граждан вдоль строго очерченного коридора допустимых сценариев[5]. Исследования демографического поведения, проведенные на репрезентативном эмпирическом материале последнего времени, подтверждают это. Так, например, было выявлено, что на протяжении почти всей второй половины 20-го века интервалы между вступлением в первый брачно-партнерский союз (брак или сожительство) и рождением первого ребенка в России были практически одинаковы не только для всех советских поколений, но и для всех типов брачно-партнерских союзов[6] (рис. 2).

Рисунок 2. Медианные интервалы между созданием первого брачно-партнерского союза и зачатием первого ребенка (в разрезе пола и типа брачно-партнерского союза)

Источник: Митрофанова Е.С. Демографическое поведение поколений россиян в сфере семьи и рождаемости // Экономический журнал Высшей школы экономики, Том 15, №4, 2011.

Рис. 2 демонстрирует стабильность и единообразие семейного и брачно-партнерского поведения в течение послевоенного времени вплоть до «эпохи смены веков» во второй половине 1980-х годов.

Мы видим, как слитны были три типа воспроизводственного поведения: репродуктивное, брачное и сексуальное. Вступление в первый брачно-партнерский союз и рождение первого ребенка были тесно взаимосвязаны. Наступление одного события без другого считалось отклонением от общепринятой нормы и, в той или иной степени, порицалось обществом.

Тем не менее, реальные практики, продемонстрировавшие первые признаки изменений уже во второй половине 1960-х годов, начали входить в противоречие с этими предписаниями[7]. Возраст начала сексуальной жизни становился ниже, и в отсутствие эффективных и широкодоступных средств контрацепции первые сексуальные опыты часто приводили к нежелательной беременности. В этом случае было два пути: либо аборт, либо заключение брака «вдогонку». Хотя аборт и были разрешены и широко распространены, однако не все девушки решались прерывать первую беременность, и многие делали выбор в пользу рождения ребенка. К этому шагу их подталкивали и врачи, единодушно предупреждавшие об отрицательных последствиях прерывания первой беременности. А так как внебрачные рождения, следуя традиции, продолжали осуждаться, то молодые люди были вынуждены оформлять отношения, т.е. регистрировать браки, которые при других обстоятельствах были бы отложены. В результате, там, где, казалось бы, по примеру развитых стран Запада, должен был произойти разрыв шаблона (сексуальное поведение стало опережать брачное и должно было начать от него отделяться), напротив, в российских условиях произошла еще более тесная склейка всех форм демографического поведения в молодом возрасте.

В поздний советский период темп наступления первых событий в жизни человека, меняющих его статус в социальной, семейной, образовательной, трудовой сферах жизни был очень высок. Все эти этапы взросления концентрировались на одном небольшом промежутке времени, составляющем примерно три-пять лет, накладывались друг на друга и конкурировали друг с другом[8]. Молодые люди стремились поскорее обрести статус взрослого человека, получить престижные статусы родителя, работника, образованного человека, и, в конце концов, обрести независимость, в первую очередь, от родительского контроля. В советском обществе получение доступа к целому ряду социальных благ и гарантий (очередь на квартиру, повышение по службе, льготы и т.д.), возможности вертикальной социальной мобильности также в немалой степени связывались с брачно-семейным статусом индивида. В то же время нарастала внутренняя конфликтность ситуации, при которой требовалось практически одновременно обретать все социально значимые роли в очень молодом возрасте (рано «взрослеть»).

Негативные следствия поддержания традиционной слитности сексуального, матримониального и репродуктивного поведения в молодом возрасте, вступающей в противоречие с образовательной и профессиональной карьерой, проявлялись в исключительно высоком на мировом фоне уровне разводимости, высокой распространенности аборт, отказов от новорожденных детей, низкой вероятности повторных рождений и пр. Раннее начало семейной жизни тормозило рост образования, повышение квалификационного уровня и миграционной мобильности, расширяло сферу бедности. В силу явной социально-экономической иррациональности подобного положения вещей, сложившаяся «советская» модель демографического поведения не имела будущего. Правда, если под будущим подразумевать неизбежность экономической, социальной и политической модернизации общества, завершающего индустриальную и вступающего постиндустриальную стадию своего развития.

Поколения 1970-х и 1980-х годов рождения, социализация которых проходила в революционную эпоху политических и экономических реформ, продемонстрировали стремительный рост интервалов между вступлением в первый брачно-партнерский союз и рождением первого ребенка. Этот, казалось бы, малозначительный эмпирический факт на деле свидетельствует о начале фундаментальной трансформации модели начальных стадий формирования семьи, сохранявшейся в России на протяжении столетий практически без изменений. Сексуальное, брачное и репродуктивное поведение больше не связаны между собой так неразрывно, как это было ранее. Этому способствует появление доступной контрацепции, включение вопросов,

касающихся интимной сферы, в общественный дискурс, рост лояльности к внебрачной рождаемости и сожителю.

Как подобные изменения стали возможными и что повлекла за собой смена, вернее, диверсификация образцов поведения – на эти и сопутствующие вопросы мы попытаемся ответить далее, рассмотрев такие составляющие демографического поведения нынешней молодежи, как брачное, репродуктивное, сексуальное и контрацептивное.

Новые ниши брака и партнерства

После 1991 года, коллективистские идеалы слияния общественной и личной жизни человека, поставленные под сомнение всей послевоенной историей страны, стали быстро разрушаться под давлением разжавшейся пружины потребностей людей иметь более свободную личную жизнь. Скачкообразно ускорились процессы обособления частной сферы, ее интимизации, что привело к еще большей психологизации семейных отношений и увеличению значимости таких ценностей, как любовь, равенство партнеров, взаимная поддержка, понимание, самореализация и учет индивидуальных интересов[9].

Партнеры стали предъявлять друг к другу более высокие требования. В свою очередь, брак в еще большей степени стал зависимым от реально складывающихся отношений в семье[10], что способствует окончательному изживанию однозначно негативного отношения к разводам, повышению распространенности эгалитарного контракта в отношениях мужчины и женщины в семье[11].

Снижение популярности официального брака

К концу 20 века уходят в прошлое многие факторы, подталкивавшие к официальной регистрации брака. Брак не дает более тех преимуществ, которые ему сопутствовали в советское время, начиная от получения льгот (очередь на квартиру, продвижение по службе), поощрений и одобрений со стороны семьи, трудового коллектива и заканчивая узакониванием сексуальной жизни[12].

Наряду со снижением стимулирующего, а иногда и рестриктивного воздействия государства, начало меняться само отношение к институту брака. Регистрация отношений постепенно утрачивает символическое значение начала совместной жизни молодых людей. Девушки, оказавшиеся в условиях расширения карьерных, образовательных, социальных возможностей, перестают воспринимать замужество как единственный способ успешной самореализации.

В поколениях российских женщин, родившихся в 1950-х и первой половине 1960-х годов, зарегистрированный брак, безусловно, доминировал – 95-99% суммарного времени, проведенного в союзах с совместным проживанием партнеров к возрасту 25, 30, 35, 40 лет, приходился на зарегистрированный брак. Поколения 1965-1969-х годов рождения к 35-летнему возрасту провели около 90% времени совместной жизни с партнерами в официальных браках. Представительницы поколений 1970-1974-х годов, имевшие опыт совместной жизни, к возрасту 30 лет проводят в официальных браках уже менее 80% этого времени, поколений 1975-1979 годов рождения к 25 годам - чуть более 75%[13].

В поколениях 1950-х годов рождения 50% женщин регистрировали брак с партнером к первому году от начала неформального союза, в поколениях 1970-х годов - 30%, т.е. тенденция к быстрой легализации фактически сложившихся супружеских отношений оказалась сломленной у современной российской молодежи[14]. Если оформление отношений не происходит к 3-5 годам совместной жизни, шансы на их регистрацию минимальны. Относительная разница между зарегистрировавшими брак к пятому и десятому годам от начала совместного проживания

партнеров, практически отсутствует. То есть официальная регистрация партнерских отношений не только откладывается на более поздний возраст у современных поколений, но и вытесняется устойчивыми сожителемствами.

На рис. 3 представлена доля никогда не состоявших в браке мужчин и женщин по возрастным группам в соответствии с результатами переписей населения, в программах которых содержался соответствующий вопрос [15].

Рисунок 3. Доля мужчин и женщин, никогда не состоявших в браке: переписи населения 1926, 1979, 1989, 2002, 2010 годов и микроперепись 1994 года, Россия, на 1000 мужчин и женщин в указанном возрасте

Источники: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том LI. Союз Советских Социалистических республик. Отдел III Семейное состояние и пр. М.-Л., 1931; Демографический ежегодник СССР. М., 1990, с.190-191; Состояние в браке и рождаемость в России (по данным микропереписи населения 1994 г.). М., 1995; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т.2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. М., 2004, с.300-309; неопубликованные данные Росстата.

До середины 1990-х годов Россия продолжала сохранять раннюю модель брачности. Согласно данным переписи населения 1989 года и микропереписи 1994 года, в возрасте 20-24 года менее 60% мужчин и менее 40% женщин никогда не состояли в браке, а в возрасте 25-29 лет лишь 21-24% мужчин и 12-14% женщин оставались холостяками и девицами. По сравнению с переписью 1979 года, к 1989 году в самых молодых возрастных группах женщин наблюдалось даже некоторое уменьшение доли никогда не состоящих в браке, что свидетельствовало о тенденции к еще более раннему браку.

Начиная с середины 1990-х годов ситуация начала быстро меняться. По данным переписи 2002 года, доля никогда не состоявших в браке мужчин и женщин в возрасте 20-24 года составила, соответственно, 73,6% и 52,6%, а по данным переписи 2010 года – 77,5% и 57,2%. Таким образом, тенденция ведет к тому, что создание брачных союзов к возрасту 25 лет перестало быть нормой, разделяемой большинством. К тридцати годам более 40% мужчин и более чем каждая четвертая женщина все еще ни разу не состояли в браке! Это очень большие перемены, особенно на фоне тех изменений, которые мы наблюдали с начала 20 века.

Данные, представленные на рис. 4, также наглядно демонстрируют тренд снижения популярности брака. Процессы трансформации брачно-партнерской сферы, запущенные в 1960-е, ставшие легитимными в 1990-е годы, после миллениума, наконец, начали принимать конкретные очертания, формируясь в новые модели поведения.

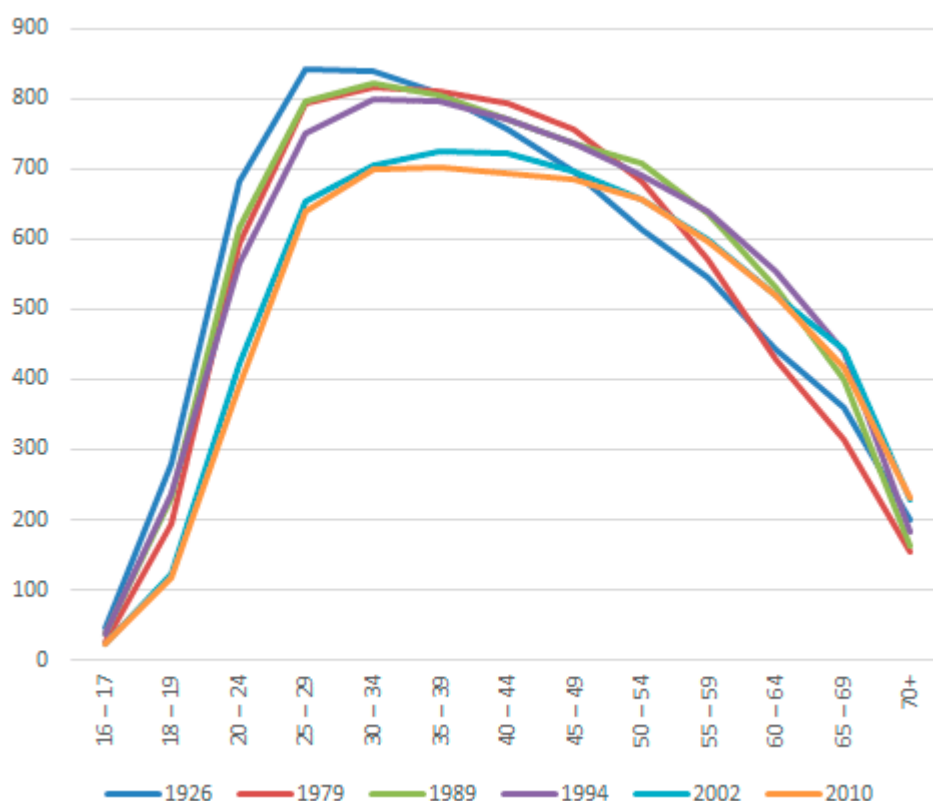

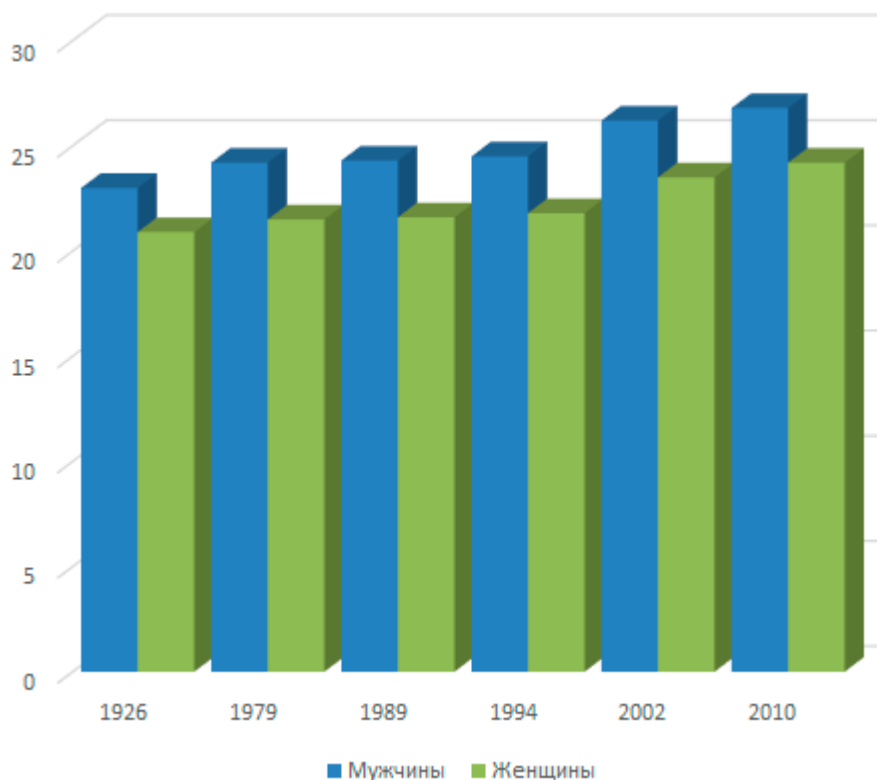
Рисунок 4. Женщины, состоящие в браке. Россия, на 1000 человек в каждой возрастной группе

Источник: См. источники к рис 3.

Первый брак взрослеет

С середины 1990-х годов брачность в России начала «стареть». Это вызвано, по-видимому, увеличением длительности получения профессионального образования и поиском постоянной работы, а также ростом популярности неформальных союзов, которые конкурируют с браком, все чаще предшествуя ему^[16].

Сегодня молодые люди вступают в первый брак в среднем в 26,5-27,5 года, а девушки – в 24-25 лет (в зависимости от метода оценки этого показателя). По сравнению с предыдущими поколениями возраст вступления в брак увеличился не менее чем на 2 года для обоих полов [17] (рис. 5).

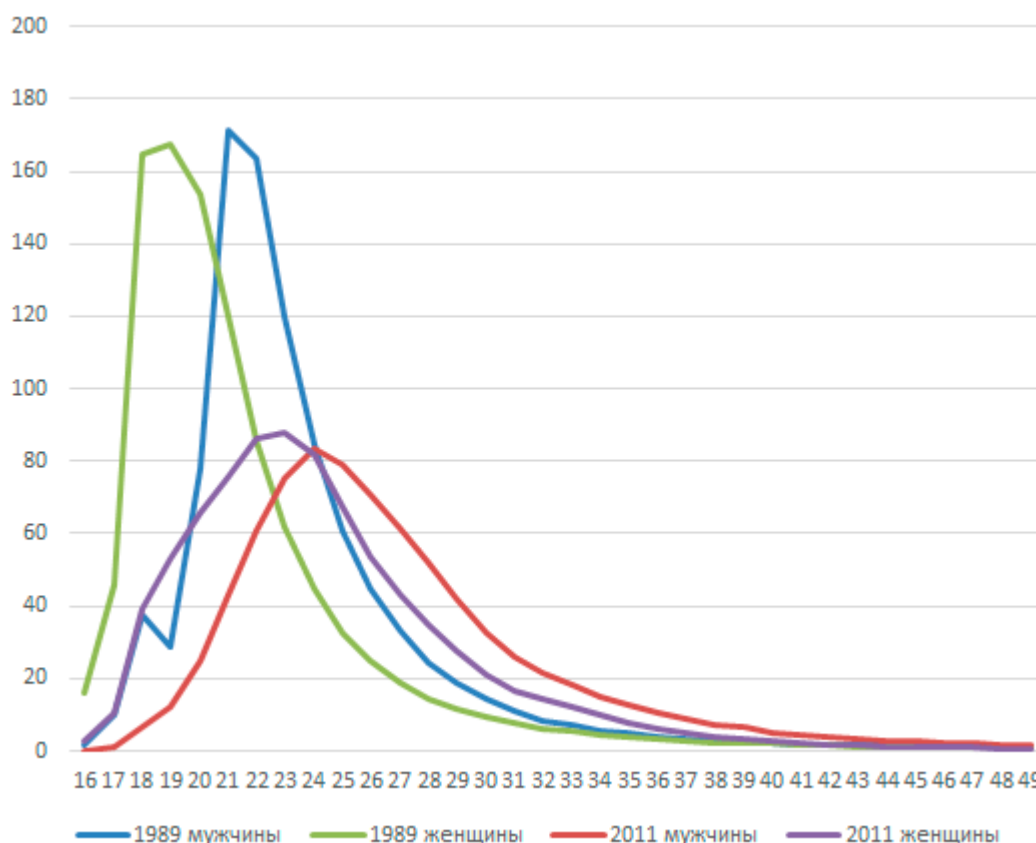

Рисунок 5. Расчетный возраст вступления в первый брак (SMAM)[18]: переписи 1926, 1979, 1989, 2002, 2010 годов и микроперепись 1994 года, Россия

Источник: Авторские расчеты на основе источников, указанных к рис.3

За более чем 50 лет, прошедших после переписи населения 1926 года, возраст вступления в первый брак у мужчин увеличился очень мало: на 1,2 года у мужчин и всего на 0,6 года у женщин. Перепись 1989 и микроперепись 1994 года зафиксировали после 1979 года едва заметные изменения. Период после 1994 года характеризовался быстрым ростом возраста вступления в брак. И у мужчин, и у женщин расчетный возраст вступления в первый брак возрос, по сравнению с 1994 годом, на 1,6-1,8 года к переписи населения 2002 года и на 2,1-2,6 года к переписи 2010 года.

Сравнение коэффициентов заключения первого брака для однолетних возрастных групп за 1989 и 2011 годы наглядно демонстрирует различия в моделях матримониального поведения в поколениях советской молодежи и нынешней (рис. 6).

Рисунок 6. Возрастные коэффициенты заключения первого брака. Россия, на 1000 лиц в указанном возрасте

Источник: Рассчитано авторами на основе неопубликованных данных Росстата.

Интенсивность вступления в первый брак снизилась вдвое, средний возраст «первообрачающихся» увеличился примерно на два года, а распределение возрастов значительно сгладилось, свидетельствуя о том, что предпочтения людей диверсифицировались. Теперь мода (как статистическая, так и, видимо, социальная) не настолько доминантно концентрируется вокруг социально одобряемых возрастов (в 1989 году – 19 лет для девушек и 21 год для юношей), а становится более размытой. В 2011 году мода для девушек составила 22, а для мужчин – 24 года при значительно более выраженной дисперсии возрастного распределения.

Альтернативные браку формы совместной жизни

Как было сказано ранее, возраст вступления в первый брак увеличивается не только из-за того, что молодежь больше времени тратит на образование, но и из-за роста популярности относительно новых для России форм социально признаваемого партнерства: «незарегистрированные браки», сожительства, консенсуальные союзы, или, как их нередко называют, «гражданские браки»^[19], т.е. супружеские союзы, не зарегистрированные в ЗАГСе.

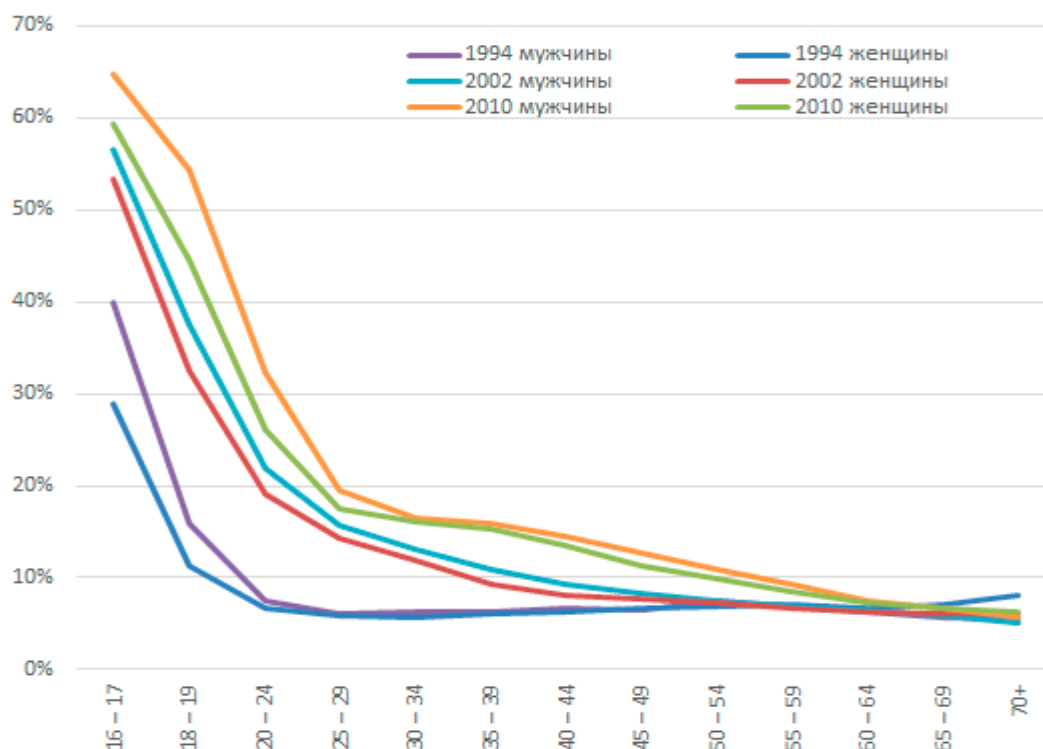
В последние десятилетия опыт совместного проживания с партнером к 25 годам имеют более 80% женщин. В то же время поколения, родившиеся после 1960-го года, все чаще начинают

совместную жизнь с партнером не с регистрации брака[20]. В новом веке консенсуальные союзы, по крайней мере, в молодом возрасте, становятся социальной нормой[21].

Первый союз все чаще является незарегистрированным и все реже перерастает в официальный брак[22], так как зачастую носит временный характер и основан исключительно на сексуальном партнерстве, не претендующем на статус брака, ориентированного на создание полноценной семьи с детьми[23].

На один зарегистрированный брак среди молодежи до 20 лет приходится 6 пар, не регистрирующих свои отношения. Среди респондентов в возрасте 21-24 года незарегистрированные союзы пользуются не меньшей популярностью, чем зарегистрированный брак, и даже среди респондентов в возрасте 30-44 года на каждые три зарегистрированных брака приходится один незарегистрированный союз[24].

Рис. 7 демонстрирует долю респондентов, декларировавших, что их союз не зарегистрирован, в общем числе тех, кто считает, что они состоят в браке на момент микропереписи населения 1994 (самое первое большое обследование, проведенное статистическими органами в России, когда задавался соответствующий вопрос) и на моменты последующих переписей населения.

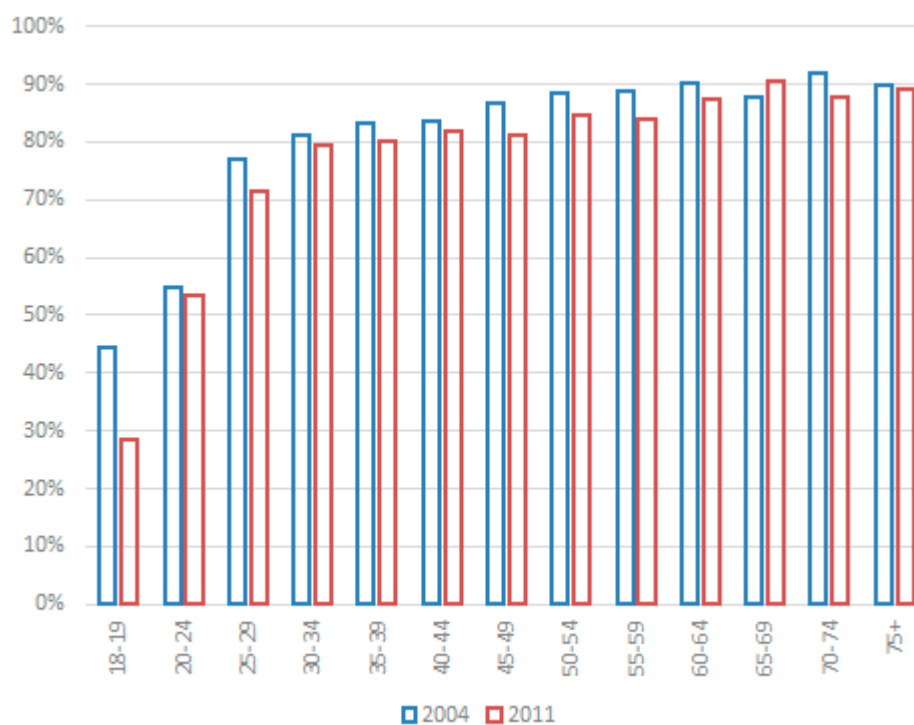
Рисунок 7. Доля состоящих в незарегистрированном союзе в общем числе мужчин и женщин, указавших, что они состоят в браке. Россия, микроперепись населения 1994, переписи населения 2002 и 2010 годов

Источники: Состояние в браке и рождаемость в России (по данным микропереписи населения 1994 г.). М., 1995; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т.2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. М., 2004, с.300-309; неопубликованные данные Росстата.

Как видим, в 1994 году это соотношение невелико. Партнерства составляли примерно треть от совокупного числа зарегистрированных и незарегистрированных союзов лишь в возрасте 16-17 лет, а потом теряли свою популярность, уже к 20-летнему возрасту падая ниже 10-процентного уровня. В 2002 и 2010 годах партнерства в зрелых возрастах также не слишком распространены - 10-15% среди 30- и 40-летних. Однако в молодых возрастах до 25 лет незарегистрированные союзы начинают существенно конкурировать с браком. В 2002 году примерно 55% 16-17-летних подростков состоят в партнерстве, а в 2010 году эта цифра увеличивается до 60% для девушек и 65 – для юношей. По сравнению с 1994 годом, в возрастах до 35 лет доля лиц, состоящих в незарегистрированных браках среди всех состоящих в браке, увеличилась более чем в 3 раза! В возрастах до 20 лет каждый второй, в возрасте 20-24 года каждый четвертый брак у женщин и каждый третий брак у мужчин – это партнерский союз, не зарегистрированный в органах ЗАГС. В следующей возрастной группе, 25-29-летних, более 17% женщин и почти 20% мужчин заявили, что они свой брак не регистрировали.

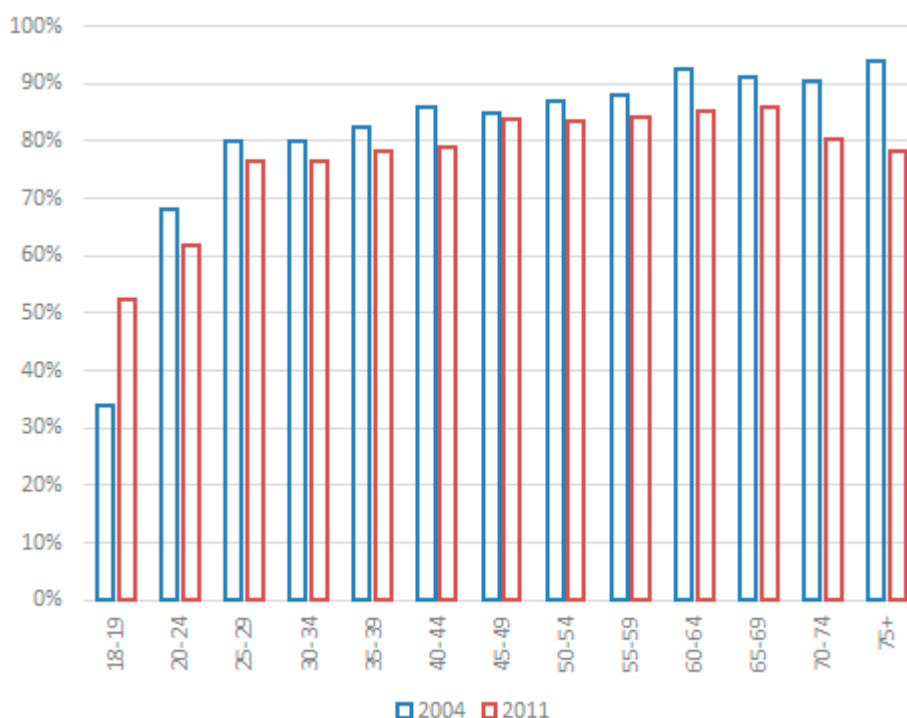
Следует также учитывать, что согласно широко распространенному среди российских специалистов мнению, переписи населения, вероятно, недоучитывают реальную распространенность неформальных союзов с совместным проживанием партнеров.

Обратимся к данным наиболее надежного выборочного исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (Russian Generations and gender Survey)[25]. По данным опроса 2011 года в возрасте 20-24 года только каждый второй мужчина, проживающий с партнершей, оформил с ней отношения узами зарегистрированного брака. Лишь ненамного больше - 60% женщин той же возрастной группы декларируют регистрацию брака со своим совместно проживающим партнером (рис. 8 и 9). С возрастом распространенность зарегистрированных отношений между супругами повышается, и к 30-летнему возрасту доходит до 80% у мужчин и женщин. В то же время следует отметить, что между первой (2004) и третьей (2011) волнами опросов доля тех, кто декларирует «законный» статус своих отношений с партнером снизилась практически во всех возрастах и у мужчин, и у женщин. Причины этого требуют специального рассмотрения. Не исключено, что вслед за повышением толерантности общества к нетрадиционным формам семейной жизни, повышается искренность респондентов при ответе на вопрос «зарегистрирован ли Ваш брак?», что должно приводить к повышению доли тех, кто открыто декларирует неформальный характер своих отношений с супругом, в том числе при наличии совместных детей.

Рисунок 8. Доля респондентов - мужчин, для которых зарегистрирован брак с партнершей, проживающей в домохозяйстве, 2004, 2011 годы

Источник: Рассчитано авторами на основе данных исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе /RusGGS»

Рисунок 9. Доля респондентов - женщин, для которых зарегистрирован брак с партнером, проживающим в домохозяйстве, 2004, 2011 годы

Источник: Рассчитано авторами на основе данных исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе /RusGGS»

Рождаемость - перенастройка календаря

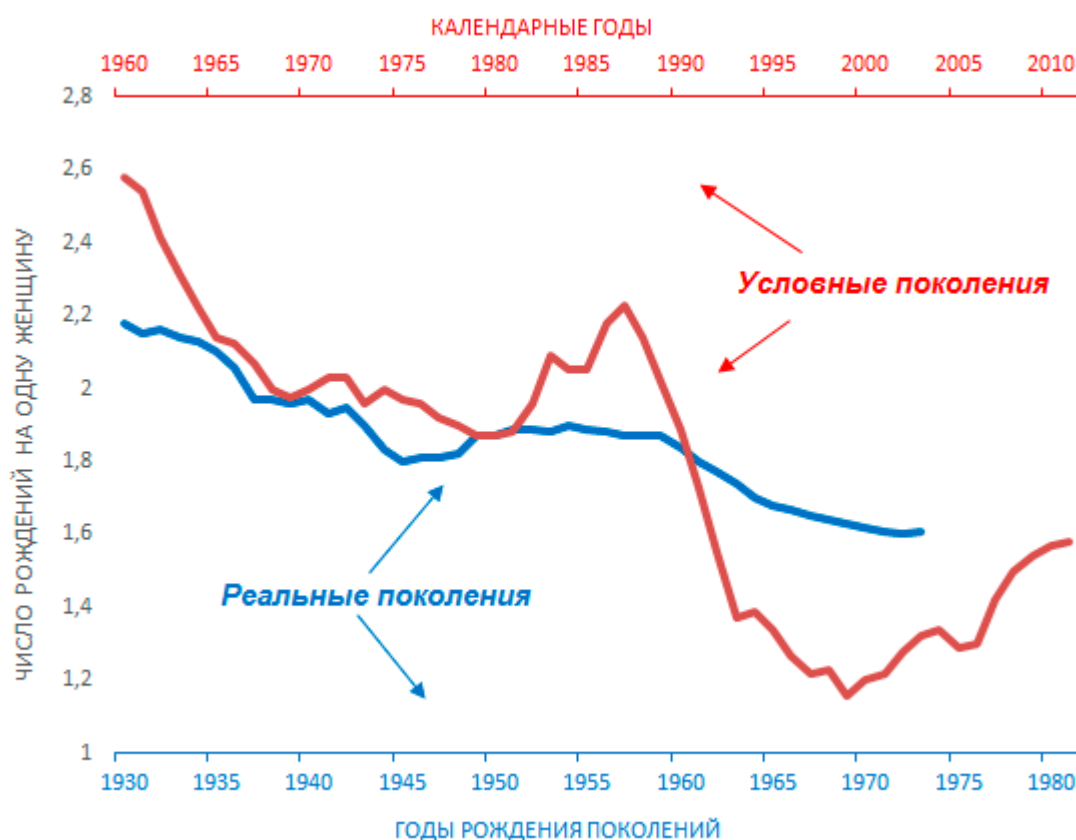
При переходе от традиционного типа воспроизводства населения с нерегулируемой на внутрисемейном уровне рождаемости к современному в России, как и в других странах мира, менялись не только количественные, но и качественные характеристики рождаемости. Трансформируется отношение к деторождению, его смысловая нагрузка, место в системе ценностей и потребностей людей. Рождение ребенка из некоей предписанной обществом обязанности перерастает в одну из ценностей каждого конкретного человека, становится одним из его рациональных выборов, который он делает или не делает [26].

Снижение рождаемости и откладывание рождений

В условиях большого количества конкурирующих с деторождением возможностей молодое поколение зачастую откладывает появление ребенка, пытаясь сначала завершить образование и найти высокооплачиваемую работу, чтобы иметь возможность обеспечить первенца. Также трезво и прагматично молодые люди подходят к вопросу рождения второго и последующих детей: если материальный уровень семьи недостаточен, то лучше иметь одного ребенка, но дать ему хорошее образование и иные стартовые возможности, нежели иметь нескольких детей, но худшего «качества». Отложенные рождения могут, в конце концов, у какой-то статистически значимой части потенциальных родителей так и не состояться, что создает возможность снижения общего уровня рождаемости. В том же направлении может влиять и повышающаяся эффективность индивидуального и супружеского контроля незапланированных беременностей, о чем еще пойдет разговор ниже. В то же время совсем не очевидна зависимость между тенденциями постарения

возрастного профиля рождаемости, снижения числа незапланированных рождений, с одной стороны, и величиной итоговой рождаемости поколений, с другой. Опыт зарубежных стран в этом отношении многолик, и, более того, его следует принимать во внимание с учетом того, что страны находятся на различных стадиях процесса трансформации модели рождаемости. Не исключено, что в России, как впрочем, и во многих других развитых странах, прошедших этапы наиболее бурных перемен в модели рождаемости, дальнейшее изменение календаря рождений не будет сопровождаться снижением итоговой рождаемости реальных когорт [27].

На рис. 10 представлен коэффициент суммарной рождаемости для календарных лет (условные поколения) и показатель итоговой рождаемости для реальных поколений. Сравнение двух оптик оценки рождаемости показывает, что ее резкое падение, происходившее после 1987 и до 1999 года, носило конъюнктурный характер и, скорее, отражает мгновенные (календарные) изменения темпов формирования семей. Реальная же рождаемость у поколений женщин, появившихся на свет после 1960 года, снижалась не так драматично, как об этом говорит оптика календарных периодов.

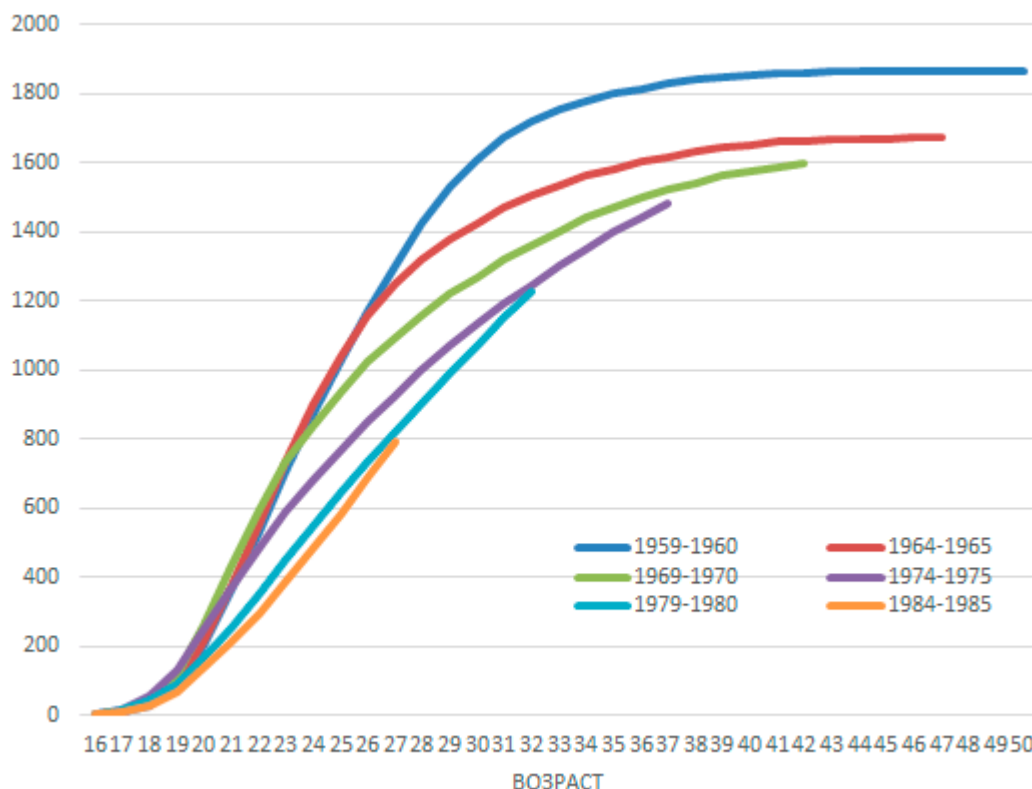

Рисунок 10. Итоговая рождаемость реальных и условных поколений в России, поколения 1930-1973 годов рождения, календарные годы 1960-2011

Источник: Обновленные авторские оценки С.В.Захарова, первоначально представленные в: Захаров С.В. Модернизация рождаемости в России за 100 лет // Россия и ее регионы в XX веке: территория - расселение - миграции / Под ред. О Глезер и П.Поляна. М.: ОГИ, 2005, с.113-124.

Тем не менее, несмотря на первые признаки стабилизации, снижение пока продолжается. Все послевоенные поколения в России не воспроизводят себя, так как уровень рождаемости реальных поколений ниже 2,1 ребенка на одну женщину. Когорты 1970-х годов рождения еще не завершили еще свой репродуктивный цикл, но уже сейчас можно утверждать, что высокой их рождаемость не будет. Нынешние оценки – 1,6 ребенка на женщину.

Если сравнивать повозрастные коэффициенты рождаемости реальных поколений, то можно проследить не только общее снижение накопленного числа рождений к определенному возрасту, но – у более молодых поколений – и откладывание деторождения на все более старшие возраста (рис. 11).

Рисунок 11. Кумулятивные коэффициенты рождаемости к определенному возрасту в женских поколениях 1959-1985 годов рождения. Россия, на 1000 женщин

Источник: Рассчитано авторами на основе неопубликованных данных Росстата.

Три верхних кривых на рис. 11 – это поколения, вошедшие в репродуктивный возраст до перестройки, посередине – переходное поколение, две нижних кривых – нынешняя молодежь. Рождаемость постперестроечных поколений отличается от советских не только по времени старта деторождения (которое отодвигается все больше и больше), но и по характеру использования репродуктивного времени. Если в наиболее старших когортах количество рождений резко возрастало до 35 лет, а потом стабилизировалось, то с каждым новым поколением все четче прослеживается тенденция непрерывного роста рождаемости вплоть до 40 лет.

Такое рассеивание событий по временной оси происходит оттого, что современные молодые люди пытаются оптимизировать все временное пространство жизненного цикла в ответ на вхождение

общества в постиндустриальную фазу развития. Они пытаются «настроить» индивидуальных календарь демографических событий на изменение конкретных и многообразных жизненных обстоятельств, чтобы с подходящим партнером в предпочтительных условиях иметь желанного ребенка в желанные сроки[28].

Рост внебрачной рождаемости

С того момента, как партнерства, а следовательно, добрачные сексуальные практики, получили негласную общественную санкцию, изменилось и отношение к внебрачным рождениям. Если раньше незапланированные беременности в основном становились причиной заключения ранних браков, призванных «прикрыть» опять же ранний, но, главное, добрачный сексуальный опыт («браки вдогонку»)[29], то сейчас внебрачная рождаемость уже не маргинальное и постыдное явление, а зачастую весьма рациональный выбор партнеров.

Некоторые пары не видят разницы между тем, растет ли ребенок в официальном браке или сожительстве, другие оформляют отношения спустя несколько лет после рождения ребенка. Некоторые женщины сознательно рожают «для себя», а есть и такие, кто хочет получить статус одинокой матери, чтобы претендовать на пособие, несмотря на то, что ребенок был рожден в семье с обоими родителями (при регистрации ребенка не декларируется наличие отца). Одним словом, мотивация у людей разная, но внебрачная рождаемость определенно стала нормой.

С 1990-х годов начал увеличиваться вклад во внебрачную рождаемость 20-35-летних, то есть женщин в возрастах максимальной брачности[30]. Из женщин, родивших ребенка в 2000-х годах, 25-30% не состояли в зарегистрированном браке. Среди тех, кто родил первенца, официально замужних женщин - 66-70%. Среди матерей вторых детей по порядку рождения – 76-78%.

Данные, основанные на ежегодной регистрации рождений, позволяют проследить динамику внебрачной рождаемости в молодых когортах (рис. 12).

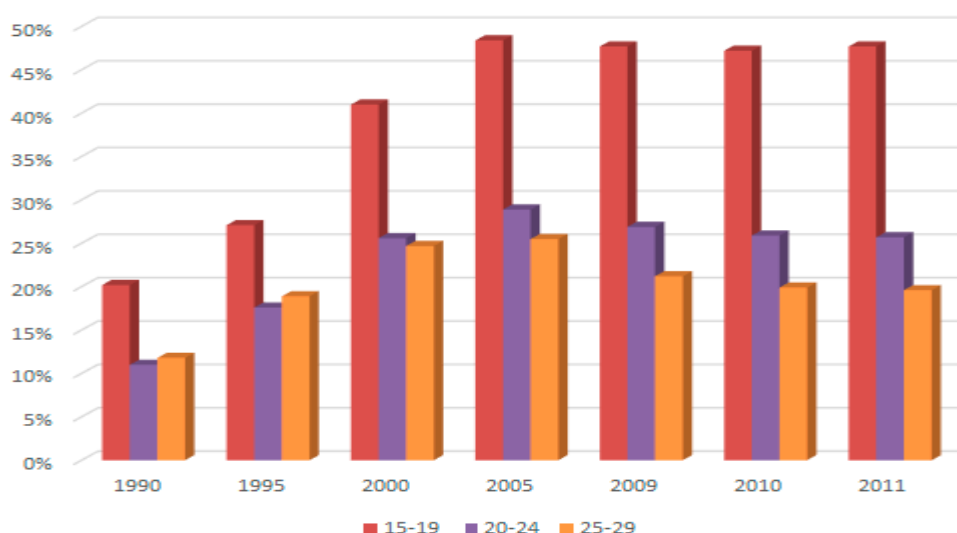

Рисунок 12. Доля внебрачных детей в общем числе родившихся живыми у матерей в возрасте 15-29 лет. Россия, 1990-2011

Источник: Население России 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад /Под ред. А.Г.Вишневого. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010, с.112

Если в 1990 году внебрачные рождения у 15-19-летних матерей составляли 20%, у 20-29-летних – чуть более 10%, то через 20 лет – в два раза больше. Прирост был наиболее значителен у матерей до 20 лет, а для 25-29-летних – он был наименьший. Это объясняется тем, что, как было сказано ранее, сегодня молодежь начинает заключать браки примерно с 25-летнего возраста, а до этого в структуре союзов преобладают сожительства.

Сексуальность эмансипируется от репродукции и брачности

Возраст сексуального дебюта снижался в России с 1960-х годов[31]. Сейчас он, в соответствии с наиболее надежными исследованиями, составляет 17-18 лет[32]. Социально одобряемый возраст сексуального дебюта для опрошенных россиян в возрасте до 40 лет также находится в этих пределах[33]. Половина нынешних старшеклассников обоих полов имеют сексуальный опыт и почти 94% нынешних студентов считают его допустимым, около 70% российских девушек-студенток к третьему курсу (к 19–20 годам) имеют сексуальный опыт[34]. С такими характеристиками современная Россия уже не выделяется на фоне европейских стран[35].

Перестав быть запретным плодом, сексуальность стала более рациональной и осмысленной. Большинство молодых людей и девушек оценивает добрачный сексуальный опыт как подготовку к браку для определения сексуальной совместимости, так как считают, что эта сторона семейных отношений является очень значимой. Возможность выбора в сексуальной сфере молодежь рассматривает как часть неотъемлемых прав и свобод, как часть самореализации[36].

Меняется и само понятие сексуальности. В отличие от официальной культуры советского времени, предпочитавшего вовсе не касаться этой темы, а если и говорить о ней, то исключительно в рамках фиксированных бинарных оппозиций (брачная-внебрачная, нормальная-извращенная), современная культура понимает сексуальность как нечто пластичное, гибкое, текучее и подвижное[37].

Российское общество больше не отрицает того, что сексуальная сфера – это важная составляющая счастливой жизни, тесно связанная с индивидуальностью человека, его идентичностью. Сексуальность все меньше сводится к чистой физиологии, все больше приобретает социально-личностную основу, а в поведении индивида сильнее проявляется гендерно-симметричная гедонистическая составляющая. Все это приводит к росту требований к партнеру и качеству отношений[38].

В идеальных представлениях советского человека семья выглядела вполне традиционно – как логический результат трех видов поведения - матримониального, репродуктивного и сексуального, - жестко сцепленных между собой. Однако уже в советский период реальные практики приводили к образованию нетрадиционных форм совместной жизни, в которых разрыв базовых типов поведения на уровне массового сознания все менее рассматривался как девиантное поведение. В современном обществе «семью» может создать каждый вид поведения по отдельности. Женатые люди без детей, мать с ребенком или пара, живущая в незарегистрированном союзе с ребенком или без – все они могут назвать себя семьей. Такая автономия у перечисленных сфер самореализации человека стала возможна, в частности, благодаря появлению доступной и эффективной контрацепции.

Противоречие между тем, как молодежь хотела себя вести (снижение возраста сексуального дебюта, «безопасный секс») и как предписывалось в условиях нравственной цензуры советского образца (результат – браки «вдогонку», прикрывавшие незапланированные беременности) назревало давно. Когда эта цензура отпала, когда о сексуальной сфере стало можно говорить, когда появилась литература, просвещающая в вопросах интимной жизни, размножились центры репродуктивного здоровья и планирования семьи и, наконец, на рынке появились широко доступные и эффективные контрацептивные средства, формирование новых моделей поведения приобрело устойчивый характер.

Регулирование рождаемости позволило сексуальности эмансипироваться от репродукции и брачности, и, по мере распространения высокоэффективной контрацепции, создало возможность не только контролировать число рождений, но и планировать беременности и рождения, встраивая рождение ребенка в свои жизненные планы.

Повышение контрацептивной культуры незамедлительно сказалось на числе абортов. С 1990 по 2011 год абсолютное число абортов, число абортов, приходящихся на 1000 женщин репродуктивного возраста, и в расчете на 100 родов сократилось более чем в три раза[39].

Исследование, проведенное Институтом социологии РАН в 2002 году среди студентов в Москве и Чебоксарах[40], показало, что противозачаточные средства используют 84% юношей и 77,6% девушек, имеющих сексуальные контакты. Чуть более высокий уровень использования контрацептивных методов у молодежи до 30 лет (имеющих постоянного партнера на момент опроса) был зафиксирован репрезентативным на национальном уровне исследованием РидМиЖ в 2004 г.: мужчины – 85%, женщины – 88%[41].

По данным РидМиЖ-2004, основной способ предохранения современной молодежи – презерватив. Его указало 57% мужчин и 45% женщин в возрасте до 25 лет и 42% мужчин и 32% женщин в возрасте 25-29 лет. Гормональная контрацепция (всех типов), которая быстро набирает популярность, в возрасте до 25 лет представлена в ответах у 27% женщин, в возрасте 25-29 лет - у 22% женщин. Внутриматочные спирали используют 12% женщин до 25 лет и 21% 25-29-летних женщин. В то же время на крайне неэффективный прерванный половой акт ссылались 18% мужчин и 20% женщин до 25 лет, 16% мужчин и 19% женщин в возрасте 25-29 лет. Наконец, о календарном методе упоминают 11% мужчин и 15% женщин в возрасте до 25 лет, 11% мужчин и 16% женщин в возрасте 25-29 лет. Прочие средства и методы предохранения от беременности составляют у современной молодежи менее 10%.

Итак, наиболее эффективные методы (гормональная, внутриматочная и презерватив) используют 56-59% мужчин и женщин в возрасте до 30 лет. Кроме того, на сочетание эффективных и малоэффективных средств ссылаются еще 14-20% респондентов того же возраста. По сравнению с ситуацией, имевшей место в 1980-х годах, можно говорить о более чем двукратном росте распространенности современных методов планирования семьи[42]. Очевидно, что молодежь сегодня использует контрацепцию намного активнее, чем представители старших поколений сейчас и, тем более, когда они сами были молодыми, а в структуре используемых методов преобладают современные способы предохранения от беременности. Тем не менее, малоэффективные, так называемые традиционные методы (прерывание полового акта, календарный метод, спринцевание и пр.) все еще занимают определенное место - на уровне 11-17%.

Как показывают опросы, в целом девушки больше обеспокоены вопросом предохранения от незапланированных беременностей и заболеваний, передаваемых половым путем, чем молодые люди, хотя в структуре используемых методов контрацепции лидируют мужские средства предохранения (презервативы и прерванный акт). Стереотипы доминирования мужчин все еще широко распространены в сфере сексуальных отношений между молодыми людьми, они проявляются в том, что девушки, еще не имеющие стабильных отношений, занимают пассивную позицию в принятии решений о выборе метода контрацепции. Более того, от трети до половины юношей и девушек при первом половом контакте никак не предохранялись, и даже не обсуждали эту проблему[43]. Очевидно, что с культурой сексуального поведения, репродуктивного здоровья и планирования семьи у российской молодежи имеются серьезные проблемы, более глубокие, чем в европейских странах, более успешно их изживающих. К сожалению, в отличие от большинства развитых стран, образовательные государственные программы в этой области в России на сегодняшний день отсутствуют, главным образом по причине неприятия их представителями клерикальных и консервативных сил, широко представленных в современной политической элите[44].

Заключение: персональный выбор на смену универсальной норме

Описанные выше изменения в поведении российской молодежи, затрагивающие всю сферу их брачно-семейной жизни, нуждаются в каком-то истолковании.

Можно предположить, что эти изменения тесно связаны с революционными сдвигами в обществе в конце 1980-х – начале 1990-х годов, которые привели к открытию границ страны, ликвидации цензуры и вакуума информации о реальной ситуации в стране и мире, значительному расширению границ и возможностей личных выборов каждого человека. Старшему поколению, выросшему в государственно-патерналистской системе «развитого социализма», было значительно сложнее перестроиться, чтобы использовать все ресурсы нового времени. Молодое же поколение, в сознательной жизни которого не было идеологом прошлого, выросло с ощущением того, что свобода и открытость, разнообразие и доступность благ – естественное положение вещей.

Все это привело к дифференциации потребностей, подвижкам в системе ценностей российской молодежи в сторону самореализации, подобным тем, о которых свидетельствуют наблюдения за тенденциями последних десятилетий в развитых странах[45]. Послушное следование единственно верной норме заменилось возможностью делать персональные выборы[46]. Сами ценности не претерпели радикальных изменений, но теперь это - не единственно допустимый и одинаковый для всех базовый набор, а совокупность осознанных и принятых человеком позиций, соответствующих его целям и интересам.

Не удивительно поэтому, что современная российская молодежь, к которой относятся возрастные когорты 1983-1997 годов рождения, довольно сильно отличается от предыдущих поколений в своих взглядах, притязаниях и действиях[47]. По-видимому, в основе различий лежит возросшее значение «новых» для россиянина ценностей: свободы, независимости, индивидуальности[48]. Взгляды и действия, будучи производной от ценностей и норм, также выходят на новые траектории, потому что больше не сдерживаются одним типичным образцом поведения.

Молодежь 21 века больше ориентирована на экономику и самостоятельность, а не на политику и государство. Будучи аполитичными[49] и прагматичными, молодые люди делают ставку на достижение целей своими силами, с большим недоверием относятся к любым проявлениям патернализма[50]. Это относится как к сфере образования и занятости, так и к семье.

По сравнению с предшествующими поколениями, нынешняя молодежь более амбициозна, более мобильна, более образована. Они активно инвестируют в свой человеческий капитал, стремясь увеличить стоимость на рынке труда. Ровесники Интернета, мобильного телефона и портативного компьютера, молодые люди не чувствуют границ. Им кажется, что весь мир для них открыт. Вопрос только в персонифицированной оценке целесообразности вертикальной и горизонтальной (территориальной) мобильности.

Время жизни современного человека становится более пластичным, гибким, настраиваемым. Период взросления увеличивается за счет возрастания времени, затрачиваемого на образование и поиски себя. Российская молодежь 21 века не торопится получить статусы родителя и семейного человека. Увеличение совокупного периода получения образования идет параллельно с увеличением возраста при вступлении в первый брак и рождении первого ребенка. Интервалы между наступлением важных событий жизни увеличиваются по сравнению с предыдущими поколениями, для которых была характерна концентрация этих событий на коротком промежутке времени[51]. Молодые поколения живут более размеренно в смысле наступления важнейших жизненных событий, решения принимают дольше, позволяя себе выбирать в имеющемся у них мире возможностей то, что подходит им больше всего.

Более высокие притязания они предъявляют к качеству: жизни в целом, отношений с партнером, воспитания детей. Это побуждает молодых людей, не жалея времени и попыток, искать

подходящую работу, место жительства, партнера, а также вкладываться в развитие ребенка, руководствуясь принципом «лучше меньше да лучше».

Появление эффективных средств планирования семьи привело к разделению брачного, репродуктивного и сексуального поведения, сделав их автономными сферами самореализации. Вследствие этого значимые события семейной жизни стали растягиваться по всей временной оси, наступая в соответствии с индивидуальными потребностями и представлениями каждого человека. Пики начала брачно-партнерских отношений и рождения детей размываются, демонстрируя откладывание демографических событий молодым поколением на более старшие возрасты.

В итоге россияне получают возможность использовать более эффективно самое ресурсное время жизни – молодость. Сегодня они пытаются начинать планировать свою семейную жизнь как можно раньше и встраивать в нее те события и в той последовательности, как они действительно хотят.

---

[1] Данная статья представляет собой более полную авторскую версию статьи, частично опубликованной ранее в виде главы в монографии: Россия и Китай: молодежь XXI века /Отв.ред.: М.К.Горшков, Ли Чунлинь, П.М.Козырева. М.: Новый Хронограф, 2014: 55-79. В статье использованы результаты проекта "Новейшие тенденции демографического развития России и их учет при социально-экономическом прогнозировании", выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г., а также исследования "Изучение динамики формирования и развития семей и процессов рождаемости на данных выборочных обследований" (Грант Научного фонда НИУ ВШЭ № 14-05-0054, 2014).

[2] Захаров Сергей Владимирович - к.э.н., заместитель директора Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва)

[3] Митрофанова Екатерина Сергеевна - магистр социологии, аспирантка, младший научный сотрудник Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва).

[4] Общепринятого определения возрастных границ «молодежи» на международном уровне не существует. Фонд Организации Объединенных Наций в области народонаселения (ЮНФПА) предлагает относить к этой категории лица в возрасте от 15 до 24 лет. Федеральная служба государственной статистики России относит к «молодежи» население в возрасте от 15 до 29 лет. В нашей работе мы будем придерживаться последней трактовки, которая является расширительной и позволяет учесть и международные стандарты, и российские (См.: Щербакова Е.М. Молодежь мира: основные демографические тенденции // Демоскоп Weekly № 509 – 510 (от 1 - 20 мая). 2012 <http://demoscope.ru/weekly/2012/0509/barom02.php>; Молодежь в России. 2010. Статистический сборник. /ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010. http://www.gks.ru/free_doc/doc_2011/MOLODEG_RUS_2010.pdf).

[5] Блюм А., Себий П., Захаров С. Взросление во Франции и России: различия в перспективе поколений // Эволюция семьи в Европе: Восток–Запад. По материалам исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе». Выпуск 3 / Под науч. ред. С.В. Захарова, Л.М. Прокофьевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2010. с. 150-154.

[6] Митрофанова Е.С. Демографическое поведение поколений россиян в сфере семьи и рождаемости // *Экономический журнал Высшей школы экономики*, Том 15, №4, 2011, с.519-542.

- [7] Блюм А., Себий П., Захаров С. Указ соч. с. 153.
- [8] Там же, с. 160.
- [9] Черняк Е.М. Добрачное поведение молодёжи как фактор стабильности семьи // *Демографические исследования*, № 10, 2009 (http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1573#_ftn3); Вовк Е. Незарегистрированные интимные союзы: «разновидности» брака или «альтернативы» ему? (Часть 1) // *Социальная реальность*, № 1, 2005; Вовк Е. Незарегистрированные интимные союзы: «разновидности» брака или «альтернативы» ему? (Часть 2) // *Социальная реальность*, № 2, 2005.
- [10] Черняк Е.М. Указ. Соч.
- [11] Магун В.С. Нормативные взгляды на семью у россиян и французов // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып.2 / Под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2009, с. 140.
- [12] Гурко Т. А. Игнатова И.В. Особенности брачного выбора в России в начале 90-х годов. // *Семья в России*. 1997, №3, с.51; Демографическая модернизация России, 2006... с. 95.
- [13] Захаров С.В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: "золотой век" традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып.1 / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; М.: НИСП, 2007, с.125.
- [14] Там же, стр. 102.
- [15] В переписях населения 1939, 1959, 1970 гг. фиксировалось только два брачных состояния – состоит или не состоит опрашиваемый в браке, что не позволяло разделить совокупность не состоящих в браке на лиц никогда не состоявших в браке, на вдовствующих и разведенных.
- [16] Подробнее об изменении возрастной модели брачности, массовом распространении неформальных союзов в России и других развитых странах см.: *Население России 2005*. Тринадцатый ежегодный демографический доклад /Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007, с.49-52; Захаров С.В. Возрастная модель брака // *Отечественные записки*. 2006. №4(31). С.271-300.
- [17] Захаров С.В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России..., с. 83
- [18] Singulate Mean Age at Marriage (SMAM). Методика его расчета была предложена Джоном Хайналом и затем рекомендована ООН к широкому внедрению в практику демографической статистики. Для расчета этого показателя требуются данные о числе никогда не состоявших в браке по возрастным группам, получаемые на основе ответов респондентов в ходе переписей и выборочных исследований. См.: *Patterns of First Marriage. Timing and Prevalence*. United Nations. N.Y., 1990, p.323-327.
- [19] Неформальные (незарегистрированные в ЗАГСе) союзы в России на бытовательском уровне необоснованно называют «гражданскими браками». Между тем, первоначальное значение этого понятия, появившегося изначально во Франции после Великой французской революции и, спустя сто лет, в России сразу же после революции 1917 г. и гражданской войны – это как раз супружеский союз, прошедший гражданскую регистрацию, но не освященный церковным обрядом.
- [20] Долбик-Воробей Т. Студенческая молодежь о проблемах брака и рождаемости // *Социологические исследования*. №11, 2003; Захаров С.В. Трансформация брачно-партнерских

отношений в России..., с. 101.

[21] Демографическая модернизация России, 1900-2000 /Под ред. А.Г.Вишневого. М.: ОГИ, 2006, с.100.

[22] Население России 2005. Тринадцатый ежегодный демографический доклад / Ответственный редактор А.Г. Вишневский. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. - 245 с. Стр. 62.

[23] Захаров С.В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России... стр. 126; Кон И.С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // *Демоскоп-Weekly*. № 447 – 448 (от 13 - 31 декабря). 2010.<http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0447/analit05.php>

[24] Вовк Е. Незарегистрированные интимные союзы: «разновидности» брака или «альтернативы» ему? (Часть 1) // *Социальная реальность*, № 1, 2005.

[25] Российское исследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиж/RusGGS-2004, 2007, 2011) – составная часть международной программы Европейской экономической комиссии ООН «Generations and Gender Programme»/Программа «Поколения и Гендер». Координатор программы в России - Независимый институт социальной политики (Москва). Дополнительную информацию о проекте, включая программу и инструментарий см.: <http://www.unece.org/ead/pau/ggp/Welcome.html>; http://www.socpol.ru/research_projects/proj12.shtml.

[26] Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее М.: Финансы и статистика, 1982, с. 154, 184.

[27] Sobotka T., K. Zeman, R. Lesthaeghe and T. Frejka (2011). Postponement and recuperation in cohort fertility: New analytical and projection methods and their application //European Demographic Research Papers 2. Vienna: Vienna Institute of Demography; Фрейка Т., Захаров С.В. Эволюция рождаемости за последние полвека в России: оптика условных и реальных поколений // *Демографическое обозрение*. Т.1, №1, 2014.

[28] Захаров С.В. Рождаемость в России: первый и второй демографический переход. Что мы понимаем под модернизацией рождаемости? // Научная конференция Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. Тезисы докладов. М., 2002.

[29] Голод С.И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. Спб.: Алетейя, 1996; Гурко Т.А., Игнатова И.В. Особенности брачного выбора в России в начале 90-х гг. // *Семья в России*, №3, 1997, с. 51; Кон И.С. Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. М.: О.Г.И., 1997, с. 262-312.

[30] Население России 2007. Пятнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2009, с. 131; Демографическая модернизация России..., с.106; Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М.: ТЕИС, 2006, с. 171.

[31] Кон И.С. Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. М.: О.Г.И., 1997, с. 262-271; Кон И.С. Сексология. Учеб. пособие. М.: Академия, 2004, с. 209-222.

[32] См.: Захаров С.В., Иванова Е.И., Сакевич В.И. Репродуктивное поведение и здоровье подростков в России. Аналитический обзор. The POLICY Project. Центр демографии и экологии человека, ИНП РАН, М., 2000, с.3, 8-10; Кеттинг Э., Аверин Ю.П., Дмитриева Е.В. Легко ли быть молодым и влюбленным в России? Результаты социологического опроса 1600 подростков в пяти российских городах по вопросам здоровья и интимных взаимоотношений. Нидерландская школа общественного здоровья, МГУ им. М.В.Ломоносова, Невский институт языка и культуры. Утрехт -

- Москва - С.-Петербург, 2001, с. 48; Мониторинг сексуального поведения населения Российской Федерации. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения 2001. Университет Северной Каролины в Чэпел Хилле, Институт социологии РАН. Апрель 2002, с.6.
- [33] Захаров С.В. Ценностно-нормативные «расписания» человеческой жизни: представления жителей разных стран о том, когда девушка становится взрослой //Россия в Европе. По материалам международного социологического проекта «Европейское социальное исследование» /Под общей ред. А.В. Андреевской и Л.А. Беляевой. М: «Academia», 2009, с.353
- [34] Черняк Е.М. Семья глазами студентов //Российский журнал социальной работы. 1998, 2/8, с. 58; Денисенко М., Далла Зуанна Ж.-П. Сексуальное поведение российской молодежи //Население и общество. Информационный бюллетень ЦДЭЧ ИНП РАН. №36, 1999.
(<http://www.demoscope.ru/acrobat/ps36.pdf>).
- [35] Захаров С.В. Ценностно-нормативные «расписания» человеческой жизни..., с.352-353, 379; Denissenko M. Russian Federation //F.C.Billari, M.Caltabiano, G. Dalla Zuanna (eds) Sexual and affective behaviour of students. An international research. Padova: CLEUP Editrice, 2007, с.215-217; 379.
- [36] Черняк Е.М. Добрачное поведение молодёжи как фактор стабильности семьи // Демографические исследования, № 10, 2009.
- [37] Кон И.С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Демоскоп-Weekly. № 447–448 (13-31 декабря). 2010. <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0447/analit05.php>
- [38] Митрофанова Е.С. Семья и брак, матримониальное, репродуктивное и сексуальное поведение в крестьянской, советской и современной России //Демоскоп Weekly № 423 - 424 (24 мая – 6 июня), 2010. <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0423/student01.php>
- [39] Население России 2010-2011. Восемнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: ГУ-ВШЭ, 2013 (в печати); Денисов Б.П., Сакевич В.И. Внутрисемейное регулирование рождаемости в Белоруссии, России и Украине в постсоветский период //Экономический журнал ВШЭ. Т.15. №4, 2011, с.543-564.
- [40] Резникова Т.П. Контрацептивное поведение молодежи //Социологические исследования, 2003, №1. <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0205/analit02.php>
- [41] Захаров С.В., Сакевич В.И. Особенности планирования семьи и рождаемость в России: контрацептивная революция – свершившийся факт? //Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Сб. аналитических статей. Вып.1. /Научн. ред.: Т.М. Малева, О.В. Синявская. М.: НИСП, 2007, с.166.
- [42] Захаров С.В., Сакевич В.И. Указ. Соч., с.135-136.
- [43] Кеттинг Э., Аверин Ю.П., Дмитриева Е.В. Указ. соч., с.52-53.
- [44] Журавлева И. Нужно ли россиянам половое просвещение? // Демоскоп Weekly № 205-206 (6-19 июня 2005) <http://demoscope.ru/weekly/2005/0205/tema01.php>; Социальное и демографическое развитие России. Каирская программа действий: 15 лет спустя /Рук. авт. коллектива: Т.М. Малева, О.В.Синявская М.: ЮНФПА, 2010, с.129; Сакевич В.И. Сексуальное образование - путь улучшения репродуктивного здоровья //Демоскоп Weekly № 535-536 (10-31 декабря 2012) <http://demoscope.ru/weekly/2012/0535/reprod05.php>
- [45] Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society Princeton NJ: Princeton University Press, 1990; Van de Kaa D.J. Europe's Second Demographic Transition // Population Bulletin, Vol. 42, № 1. Population Reference Bureau, Washington D.C., 1987; Lesthaeghe R. and Neels K. From the First to the

Second Demographic Transition: An Interpretation of the Spatial Continuity of Demographic Innovation in France, Belgium and Switzerland European // Journal of Population. Vol. 18, No. 4, 2002, pp. 325-360.

[46] Lesthaeghe R. On Theory development: Application to the study of family formation // *Population and Development Review*. Vol. 24, 1998, pp. 1-14; Демографическая модернизация России, 1900-2000 /Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006, с.139.

[47] См.: Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи:1985-1995 годы /Под ред. В.С. Магуна. М.: Институт социологии РАН, 1998; Магун В., Энговатов М. Структура и межпоколенная динамика жизненных притязаний молодежи и стратегий их ресурсного обеспечения: 1985-2001 // *Вестник общественного мнения*. №4 (72), 2004. С.70-82.

[48] Ядова М.А. Современное и традиционное в ценностях постсоветской молодежи // *Социологические исследования*, 2012, №1, с. 114-125; Лисаускене М. В. Поколение перемен: формирование новой ментальности // *Вестник Бурятского государственного университета*. Вып. 14: Философия, социология, политология, культурология, 2008, с. 153-158.

[49] Панарин С. Безопасность и этническая миграция в Россию // *Pro et Contra*. Том 3. 1998. № 4. С. 5, 14, 17-25.

[50] Блюм А., Себий П., Захаров С. Указ соч., с. 158.

[51] Там же, с. 160-161.